

DOI: 10.31857/S086919080000785-0

Для цитирования: К.В. Орлова. Рецензия на: Л.В. Курас. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX в. Иркутск: Оттиск, 2017. 188 с. *Восток (Oriens)*. 2018. № 4. С. 218–221. DOI: 10.31857/S086919080000785-0

**Рецензия на книгу: Л.В. КУРАС. ПАНМОНГОЛИЗМ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ
ЭТНИЧНОСТИ МОНГОЛЬСКОГО МИРА В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.
Иркутск: Оттиск, 2017. 188 с.**

© 2018

К.В. ОРЛОВА

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID.RU: ISNI 0000 0000 4219 5118; orlovnk@mail.ru

**Review of the book: L.V. KURAS. PAN MONGOLISM
AS THE MANIFESTATION OF THE ETHNICITY OF THE MONGOLIAN
PEACE IN THE FIRST QUARTER OF THE XXth CENTURY
Irkutsk: Ottisk, 2017. 188 p.**

K.V. ORLOVA

Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia
ORCID.RU: ISNI 0000 0000 4219 5118; orlovnk@mail.ru

Рецензируемая монография Л.В. Кураса “Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX в.” посвящена интересному и проблемному феномену начала XX в. – панмонголизму. В ней Л.В. Курас затрагивает проблемы панмонгольского движения, транснациональной истории монгольского мира в первой четверти XX в. и вопросы историографии.

В книге пять разделов, каждый из которых последовательно раскрывает истоки, идеологию и превращение панмонголизма в “определяющий фактор в национально-государственном строительстве в начале XX в. в Монголии и Бурятии” (с. 86).

Данная проблематика сфокусирована на социокультурном и политическом поле, впоследствии на короткое время она стала идеологией монгольских народов. Само понятие “панмонголизм” вплоть до 1990-х гг. употреблялось преимущественно как реакционное, националистическое. И этому были свои причины. Суть панмонголизма главным образом сводилась к идее возрождения великой Монгольской империи, что подразумевало в силу общности истории и культуры объединение монгольских народов, оказавшихся в начале XX в. в разных странах: России, Китае, Внешней Монголии. Как отмечает автор монографии, панмонголизм является не продуктом монгольской политической мысли, а, соглашаясь с Я.С. Гузей, – “русской моделью угрозы с Востока” (с. 8).

В книге Л.В. Кураса основное внимание уделяется этническому компоненту панмонголизма. Предваряя исследование, автор подробно рассматривает его истоки. Авторство термина связывается с русским символистом Владимиром Соловьевым, который увидел в “желтой опасности” “грядущее столкновение Европы и Азии” и соответственно мировую гегемонию “азиатчины”. В дальнейшем эта доктрина как идея “этнического возрождения” (и/или консолидации всего монгольского мира) получила распространение среди

лидеров национального бурятского движения. Одним из идеологов панмонгольского движения стал Цыбен Жамцарано, который впервые ввел в научный и политический лексикон термин “культурный панмонголизм” (с. 25). Не случайно именно в среде образованных бурят появился проект, который автор монографии выразил в следующем: “возвращение отрезанных у бурят земель и ликвидация новых административных органов; создание условий для развития национальной культуры, религии и языка; предоставление национальной автономии” (с. 16).

Вполне закономерно этот период автор монографии называет “золотым веком” панмонголизма, указывая не только перечисленные выше параметры, но и проявление этого феномена как формы “бурятской этничности” и трансформации его в идеологию. Этот проект получил дальнейшее развитие в рамках “транснациональной истории монгольского мира” в первой четверти XX в., начало которому положили Синьхайская революция 1911 г., провозглашение независимости Монголии и установление теократической монархии, Февральская и Октябрьская революции в России. В этот период актуализировались идеи создания общемонгольского государства и единения монгольских народов, причем, как считает Л.В. Курас, не язык играл ключевую роль, а буддизм и “этнорегиональные особенности” монголоязычных народов (с. 26).

Пробуждению бурятской этничности способствовал проект создания бурятской автономии (1917 – начало 1918-х гг.) в результате активной деятельности Бурятского национального комитета – Бурятской народной думы – Бурятская интеллигенция (Ц. Жамцарано, А. Доржиев, Б. Барадийн, Э.-Д. Ринчино и др.) декларировала объединение бурят через национально-территориальную автономию и пыталась, увязывая бурятскую этничность с государственностью, реализовать лозунг этногосударства. Так произошла трансформация “культурного” панмонголизма в политический, более того, стартовал “процесс его милитаризации” (с. 50). Тем самым внимание было заострено на создании единой “Великой Монголии” через монгольскую идентичность. “Панмонгольскую карту” пытались разыграть атаман Г.М. Семенов (в виде “Великого Монгольского государства”), барон Ф.Р. Унгерн фон Штернберг (в виде Срединного государства), Л.С. Цыденов (в форме теократического государства), позже, в 1925–1928 гг., лидеры МНР. Однако все эти попытки не увенчались успехом, ибо, как считает Л.В. Курас, “панмонголизм и его воздействие на эволюцию монгольского мира... показан как инструмент, а не как политический феномен” (с. 51). В монографии рассматривается позиция Японии, которая на волне панмонголизма попыталась разыграть свою карту – закрепить собственные позиции и установить тотальный военно-политический контроль через русский/советский Дальний Восток уже над обширной территорией Центральной Азии.

В разделе V достаточно подробно освещено панмонгольское движение в период создания независимой Дальневосточной Республики (ДВР), в рамках которого была узаконена национальная государственность бурят – Бурят-Монгольская автономная область (БМАО). Государственное строительство с широкими полномочиями в судопроизводстве, административно-хозяйственной и культурной жизни было продолжено уже в рамках собственно бурятского этноса с сохранением принципов панмонголизма. Идею бурятской автономии один из идеологов бурятских демократов, Э.-Д. Ринчино, с учетом новых исторических условий соединял с “внешнеполитической целесообразностью и этнокультурной самобытностью бурят” (с. 70). Другой последовательный панмонголист, Б. Барадийн, национально-культурное возрождение бурят связывал с единством территории и политической независимостью, т.е. лидеры национального движения последовательно продвигали “концепцию построения моноэтничной автономии” (с. 71).

Согласно Конституции ДВР (1921 г.), бурят-монголам была предоставлена особая область с правом управления земельным фондом, распоряжаться налогами, заниматься сбором пошлин и установлением повинностей; монополия на сырье и пушнину оставалась в ведении автономного управления и пр. Таким образом, лидерам автономии бурят-монголов удалось установить автономию де-юре, в том числе и в экономической сфере. Но недолго продолжалось “головокружение от успеха”, в 1921 г. на Первом национальном собрании прежнее руководство БМАО было смещено, новое областное руководство работало под пристальным вниманием и контролем коммунистов. В 1922 г. Бурят-Монгольская автономная область вошла в состав РСФСР, в 1923 г. автономные области были объединены в Бурят-Монгольскую АССР, “бурятская этничность начала формироваться не на панмонгольской почве, а на советской основе” (с. 73).

В 1920–1928 гг. панмонгольскую идею отважились осуществить монгольские лидеры Ц. Дамбадорж и Н. Жамба. Однако изменилась политическая ситуация. Монголия уже не могла проявлять самостоятельность и зависела от решений Коминтерна и Советской России. Монголия в данном случае, по мнению автора монографии, должна стать “панмонголистской основой для революционного движения” в Азии (с. 79). События в Монголии развивались стремительно, в июне 1921 г. была образована Монгольская народно-революционная партия, появилась Народно-революционная армия и Временное народное правительство. Помыслы руководителей Коминтерна были направлены на то, что МНРП в будущем возглавит революционное движение в местах проживания внутренних монголов Китая. Менее чем через месяц, в июле 1921 г., старое правительство сменилось новым, главная задача которого состояла в “объединении всех патриотических сил ... за обеспечение национальной безопасности” страны (с. 81). В этом большую помощь оказали Россия, Коминтерн, правительство ДВР, хотя “их действия зачастую преследовали разные цели и не всегда были взаимосвязаны” (с. 83).

Л.В. Курасу удалось выделить как внутренние, так и внешние причины панмонголизма и исследовать его с точки зрения этничности монгольского мира в начале XX в., “вышедшего за рамки локального процесса и ставшего влияющим фактором в современных политических процессах” (с. 87).

К сожалению, автор монографии не заострил внимание на причинах неудачи панмонгольского движения. Сама идея панмонголизма обнаружила свою уязвимость и беспомощность, хотя предпринимались неоднократные попытки ею воспользоваться в разных точках проживания монгольского этноса. Кроме того, монгольские народы оказались в центре жесткого противоборства России и Китая, которые использовали эту идею в своих целях.

Несомненным достоинством работы является то, что в ней раскрыты разные аспекты борьбы за всемонгольское объединение – культурный, политический, военный. Ценность монографии заключается в том, что даны Приложения (с. 104–187), в которые включены одно из последних произведений В. Соловьева “Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, с включением краткой повести об Антихристе и с приложениями к ней” (1900), статьи М.Н. Богданова «Бурятское “возрождение”», Д. Клеменца “Пессимизм на бурятской почве” (1907), Ц. Жамцарано “Бурятское народническое движение и его критик” (1907), докладная записка по бурят-монгольскому вопросу Э.-Д. Ринчино, извлечение из Основного закона (Конституции) Дальневосточной республики (1921).

В заключение отмечу высокий профессиональный уровень, на котором выполнена рецензируемая монография. Богатый фактический материал и результаты работы могут быть успешно реализованы в сравнительных исследованиях и стать основой для более

широких исторических обобщений. Книга Л.В. Кураса крайне интересна и будет полезна не только научным сотрудникам, преподавателям высшей школы, но и студентам и всем, кто интересуется историей XX в., этно- и геополитикой.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ОРЛОВА Кеемя Владимировна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

Keemia V. ORLOVA – Dr.Sc. (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow, Russia.